

Ш & ' Ш г)

^ Ш а Ш

П О И С К И

Ф А К Т Ы

г и п о т е з ы

Н. П. Колпакова

НА РЕКЕ ОНЕГЕ

29 июня 1936 г.

Река Сухона. Пароход «Ношуль»

Маршрут начинается так же, как девять лет назад, когда мы большой экспедицией плыли по Сухоне и Северной Двине в Архангельск, чтобы затем попасть на Пинегу. Сегодня я еду не за песнями, не за сказками, еду по приглашению Архангельского Истпарта в командировку, собирать устные рассказы о гражданской войне на Севере. И не на Пинегу, а на реку Онегу.

Говорят, сегодня все Онежские леса и болота наполнены преданиями о борьбе красных партизан с белогвардейцами; во всех деревнях имеются живые свидетели недавних событий. В устах самих партизан—это документальные исторические свидетельства, правдивые рассказы. Но уже подростки—сыновья этих партизан—рассказывают друг другу о подвигах отцов несколько иначе—кое-что преувеличивая, кое-что пропуская, соединяя иногда несколько подвигов различных лиц в один и приписывая его какому-нибудь одному, наиболее знаменитому местному герою. Их дети и внуки в свою очередь будут, вероятно, рассказывать о дедах опять по-своему, сохраняя в своих рассказах зерно истины, но окружая его дымкой легенды. Частично мы наблюдаем этот процесс уже сегодня. Надо торопиться собрать местные рассказы, пока их герои еще живы и не разъехались по стране.

Сойдя в Вологде с поезда, я вместе с несколькими попутчиками устремилась на пристань—за билетами на ближайший пароход. Тут нас поразили две симметричные надписи с нарисованными над ними черными пальцами. Один указывал направо, другой налево. Одна надпись гласила: «Посадка в озеро», а другая—«Посадка в реку». Оказалось, что дело шло о двух разных дебаркадерах: с одного пароходы отходили на Кубенское озеро, с другого—по реке Вологде.

Раздобыв билет для «посадки в реку», я успела до отправки парохода заглянуть на рынок, в свои излюбленные «щепяные» и «деревянные» ряды. Увидела много грабель, лаптей, корзин, ложек и т. п., но увы!—все это было примитивное, будничное, сугубо прозаическое, без намека на роспись, узоры, орнаменты и другие украшения, которые

* Очерк представляет собой одну из глав неопубликованной фольклористической летописи известной собирательницы русского фольклора—Н. Колпаковой—путевых дневников, которые она вела во время своих многочисленных фольклорных экспедиций 1920—1960-х годов. См. также другие главы этой летописи, уже опубликованные в журнале «Сов. этнография» (1979, № 6; 1980, № 4).

прежде можно было встретить на всех этих этнографических предметах. Продавцы объяснили мне, что сейчас заниматься резьбой и росписью им «недосужно». Грустно!

В двенадцать часов отошли от вологодской пристани.

Река Вологда красивая, в пышной зелени, спокойная. Она очень живописно извивается между лугами и пушистыми кучами кустов. И река, и поляны, и стога сена на берегах, и коровы в траве—все это такое спокойное, широкое, мягкое... Медленно течет река, медленно жуют траву коровы. Вот она, фабрика знаменитого вологодского масла!

" Через некоторое время мы вошли в Сухону. Берега шире, но пейзаж пока все тот же.

30 июня.

Река Сухона. Село Тотьма

Сегодня в 11 часов утра доплыли до Тотьмы. Дорога была чудесная: извилистые кудрявые берега, сквозь зелень — блестящие серые крыши редких деревенок, живописные островки. По дороге, на Дедовом острове — Дом отдыха Тотьмы, на противоположном берегу в лесу — пионерский лагерь. В 1927 г. ничего этого не было.

Во время остановки я, конечно, опять пустилась на поиски предметов народного искусства, но и тут ничего не смогла обнаружить. На пристани были пряники, да и то самые простые, не такие, как прежде, когда их пекли в виде рыб, птиц, оленей и украшали узорами из белого, голубого и розового сахара. В 1927 г. мы привезли отсюда целую коллекцию разноцветных пряников. Сегодня Тотьме явно не до пряников— у нее много более насущных задач. И это тоже жалко: ведь такие пряники — разновидность традиционного народного творчества.

К вечеру собрался сильный дождь, а попозже попали мы и в аварию. На пристани «Нюксинцы» на пароход навалилось огромное количество галдящих пассажиров в лаптях, с берестяными пестерями за плечами. Наш «Ношуль» не выдержал тяжести, со всего хода ударился о подводные камни и проломил дно.

Это, говорят, бывает тут нередко и никого не удивляет. До полуночи сидели мы почти впотьмах при тусклых огнях двух слепых угольных лампочек, в облаках махорки, в тесноте, прислушиваясь к барабанной дроби ливня, колотившего в окошки, и старались не слушать любезностей, которыми пассажиры из Нюксинцев обменивались с капитаном. Команда сначала искала дыру в трюме, потом снимала груз, потом снова нагружались и, наконец, после полуночи тронулись дальше... Так все это знакомо, привычно, по-экспедиционному!

1 июля.

Тот же пароход

Сегодня утром добрались до Опок и были разбужены громким криком:

— А ну, народ, вылезай!

Куда вылезай? Зачем? Оказалось, что река так сильно обмелела, что пароходу с пассажирами по мелким перекатам дальше не пройти. Всех нас высадили. Мы шли довольно долго по берегу, влезли на какую-то гору, опять спустились к воде, опять куда-то поднялись и, наконец, по мокрым доскам кое-как взобрались обратно на пароход. Пока плывем. Сухона обмелела настолько, что в Котласе будем неведомо когда.

А Опоки—• очень интересное место: крутые отвесные берега с правильными узорами выходящих наружу пород—розовыми, серыми, зеленовато-голубыми,— как на срезе торта с кремом. В других местах на северных реках мы таких берегов не видали.

2 июля.

Река Северная Двина. Пароход «Гоголь».
Дер. Пермогорье и дальше

Вчера около пяти часов дня были в Великом Устюге (или в «Устюге Великом», как его красиво называли в старину местные жители; те же два слова, но как меняется эмоциональное и художественное впечатление от их перестановки!). Пароход стоял у пристани очень недолго, и можно было только с палубы полюбоваться многоглавыми великоустюжскими церквями и монастырями, которых тут, как и в Вологде, великое множество. Через десять минут пароход дал пронзительный гудок, и мы «поскакали» дальше. (Пишу «поскакали» вполне сознательно: дело в том, что в силу целого ряда причин лес тут сплавляют теперь не плотами, а модем, т. е. россыпью; мошь по этим широким, медленно струящимся водам плывет суетливо и бессистемно, поминутно попадаясь «под ноги» пароходам и буксирам, которые вынуждены как бы перешагивать через плывущие бревна и нередко спотыкаются.)

Итак, мы поплыли, спотыкаясь, дальше. После слияния с Югом Сухона, как известно, называется уже Малой Двиной и сильно расширяется, так что против Красавина мы шли почти как по озеру. Вдали на высоком берегу виднелись остатки бывшей знаменитой Красавинской мануфактуры. Невдалеке от нас три несчастных буксира, бешено вертя всеми колесами и шумно отплеываясь, стаскивали с мели громадный «паром» (т. е. плот) бревен, извивавшийся змеей чуть ли не на километр. Красавино — место, где обычно все пароходы садятся на мель. Девять лет назад и мы тут сидели. Но теперь место было уже занято[^] и мы, бойко посвистывая, легко пронесли мимо.

Наступил широкий, серебристо-голубой спокойный двинский вечер. В небе, светло-сиреневом у горизонта и прозрачно голубом вверху, лепестком яблони прорезался месяц. Через час золотой столб света уже струился по воде до самого борта парохода, догоняя нас. Но мы смотрели не назад, а вперед, где у высокого берега уже мерцали яркие огоньки Котласской пристани и пришвартованных к ней пароходов. Пассажиров продержали на пристани до утра и только в шестом часу погрузили на «Гоголя». К счастью, «Гоголь» — пароход большой и много комфортабельнее предыдущего.

На первой палубе множество крестьян, которые сидят группами среди классических северных расписных сундучков, «коробеек», корзины и едут на архангельские заводы. Мы дружелюбно беседуем с ними на различные фольклорно-этнографические темы.

4 июля.

Северная Двина близ Архангельска

Впечатления от Двины самые разнообразные. Вчера мы все-таки с утра до середины дня стояли на очередной мели, с которой не могли сойти пять часов... Но зато дальше все было великолепно. К вечеру появились необычайно красивые алебастровые берега — бело-розовые, оттененные темной хвоей деревьев, а еще позднее, на закате, по широкой тихой Двине разлились такие краски, что дух захватывало. Река казалась поочередно то красной, то голубовато-медной, и в ней плыли отражения прозрачных облаков такого же цвета. И ведь есть любители, которые стремятся с севера на юг, писать южные пейзажи! Не умеем мы сами себя ценить!

Сегодня с раннего утра мы проплываем мимо чудесных шатровых: церквушек, часовенок. Зарисовывать их удастся только приблизительно, так как пароход летит на всех парах и берега мгновенно убегают назад.

Селения по берегам все чаще. Огромные «кошели» леса тихо тянутся мимо обрывистых береговых круч. Часто встречаются и большие белые пассажирские пароходы. Проплывая друг мимо друга, обмениваемся вежливыми приветственными гудками.

5 июля, Архангельск

Вчера в половине первого дня «Гоголь» причалил к одной из пристаней, которых тут на берегу множество.

Знакомый Архангельск так же, как и несколько лет назад, глядит на свет деревянными домиками, в зелени и досчатыми тротуарами, обросшими мелкой ромашкой и травой. Но прибавились громадный Дом Советов и «Большой театр», появилось множество скверов и бульваров; очень похорошела набережная, полная цветов.

Вероятно, завтра утром уже можно будет выехать в первый район работы — на станцию Плесецкую.

9 июля. Плесецкая

6 июля к вечеру приехали на Плесецкую. Это станция железной дороги в шести часах езды от Архангельска по направлению к Вологде. Место довольно скучное: на голой поляне деревянные бараки-новостройки. Ни реки, ни озера, ни живописных пейзажей. Народ полугородской-полудеревенский, в основном приезжий из других районов.

Конечно, нужных мне людей я нашла не сразу. Первое знакомство с Плесецким фольклором состоялось у меня в местном клубе, куда я отправилась сразу же в вечер приезда. Быстро перезнакомилась с местной молодежью, и начались мои записи, естественно, с частушек.

В Плесецком районе основное занятие жителей — лесозаготовки, и тема эта пронизывает всю молодежную лирику. В частушках — елочки, вересовые кусточки, сосенки на угорах, шум ветра в еловых перелесках, хвойные завитки над лесными тропинками, и на фоне северной природы зарисовки местного труда:

Вересовые кусточки,	Мой миленочек стахановец,
Вы мои свидетели:	И я не отстаю.
Мы с миленком напилили	Скоро премию получим
Все, чего наметили.	За работу за свою.

Но мне нужны были не частушки, а партизанские рассказы. И старшее поколение, присутствовавшее в клубе, постепенно тоже вовлекалось в мою беседу с молодежью.

— Старые партизаны? Есть, как не быть! Немного, конечно,— кто помер, какие разъехались: в Архангельском живут, а кто и дальше... Да погоди, мы тебе найдем людей-то!

И на следующий день вечером я уже сидела в квартире С. М. Фомина, работника местного отделения Госбанка бывшего красного партизана, и слушала его рассказы о том, что в свое время творилось вокруг Плесецкой и в районе. Рассказы С. М. Фомина дополнял П. Н. Шемелин, заведующий Домом крестьянина. Эти рассказы можно было бы озаглавить «Из боевой жизни красных партизан», «Случай на заставе», «Перебежчики», «Бой под Церковным», «Случай при наступлении», «Как белые Агафьиного мужика искали» и т. п.

Все советуют мне съездить в деревню Шелексу, где в 1918—1919 гг. располагался главный партизанский отряд здешнего края.

13 июля.

Дер. Шелекса

10 июля под проливным дождем выехала с Плесецкой. На станции познакомилась с попутчицей — приветливой молодкой Онисьей. Мы

взобрались в один вагон, и по пути она уговорила меня остановиться в их доме.

По железной дороге от Плесецкой до Шелексы всего 20 километров. Но от станции до деревни надо ехать еще 11 километров лесом на лошадах. И мы пустились — где вскачь где шагом, где вброд по лесной дороге с бесчисленными гаями, лужами величиной с добрый пруд, колдобинами и ухабами.

Лес кругом стоял влажный, густой, нетронутый, полный бурелома, зарослей и звериных нор. Ближе к деревне стали кое-где попадаться следы гражданской войны — заросшие вереском и травами замшелые окопы.

Шелекса — деревня громадная. Вернее, это не одна, а девять деревень, каждая со своим названием; они теснятся бок о бок по высоким берегам быстрой, извилистой и необыкновенно прозрачной реки Шелексы и составляют одно целое. Дома очень стары — громадные, черные просмоленные насквозь. Старинной архитектуры крылечки, резное дерево на полотенцах и столбиках перил. У многих домов подзоры расписаны букетами или кругами и звездами; на фронтонах изображены рыжие косматые львы с выulptенными глазами, с кисточкой на хвосте и букеты фантастических цветов, на которых сидят не менее фантастические птицы. Все это чрезвычайно живописно, красочно и архаично. Ближе к реке — старые крепкие амбары, зачастую также украшенные резьбой, и многочисленные черные бани. Так как река очень извилиста, то за каждым поворотом открываются новые красивые пейзажи. Шелекса — река неглубокая, и каждый валун, каждое толстое дерево, почему-либо упавшее поперек воды, заставляет ее журчать. Это придает общей картине еще больше прелести. По реке плавают в очень легких плоскодонках, выдолбленных из одного ствола, и не гребут веслами, а «пихаются» шестами. Вокруг деревни полоса пашен и пожен, а за ними невдалеке темный лес.

У жителей Шелексы свой говор, свой старинный костюм. Они приветливо здороваются с незнакомым человеком и тотчас же принимаются дружелюбно расспрашивать: кто? зачем? откуда? по какому делу? и т. д.

Я начала с того, что отправилась в сельсовет, чтобы при помощи местной общественности провести собрание бывших партизан, разъяснить им, зачем я приехала, и настроить их на воспоминания и рассказы. В сельсовете мне очень охотно пошли навстречу, но предложили самой написать от руки 60 повесток и нарисовать объявление-плакат, для чего мне было выдано несколько банок, на дне которых сохранилось немного краски, оставшейся от какого-то колхозного ремонта. Все это я сделала. Плакат, размалеванный зеленым, красным и желтым, был повешен на столбе посреди деревни и, конечно, привлек общее внимание.

Собрание состоялось. Бывшие партизаны остались им очень довольны.

— Вот и ладно, пиши! Про нас много чего написать можно. К нам заходи... И к нам!... Мы тебе порасскажем!

Приглашения сыпались со всех сторон. Естественно, что следующие дни у меня были целиком заняты.

Особенно охотно рассказывали о том, как прогнали «беляков», женщины — жены и вдовы красных партизан. Им в деревне в те времена жилось не лучше, чем их мужьям в лесу. Жительницы Шелексы вспоминали, как они тайком подвозили красным войскам снаряды, сколько раз в этой борьбе рисковали жизнью, как обманывали и дурачили интервентов. Молоденькие девушки и ребята, сидя вместе со мной вокруг очередной рассказчицы, не без ужаса глядели ей в рот: для них все это были уже страшные легенды.

Мужчины рассказывали о другом: про внезапные встречи с врагами в лесу, про налеты на белые штабы, про поимку «языков», про смекалку и находчивость партизан в положениях, казавшихся безвыходными. Тематика этих рассказов была очень конкретна: «Как мы воевали», «Командир спас», «Случай в лесу», «Как я был ранен», «История с белым поручиком», «Свекор-кулак», «Как кулаки помогали англичанам» и т. п. На встречу с бывшими партизанами народу обычно приходит много: слушают, подсказывают, дополняют рассказчика — это очень помогает собирателю.

16 июля. Чекуево

13 июля утром мы с Онисьей вернулись из Шелексы на Плесецкую, а вчера я отправилась с Плесецкой через ст. Обозерскую в Онежский район.

От Обозерской до Чекуева, говорят 85 км. Путь — по знаменитому Чекуевскому тракту. При желании в Чекуево можно попасть и по реке, но пароходы по Онеге почти не ходят, так как на ней очень много порогов. Иностранные суда, приходящие к Онеге за досками, останавливаются обычно в устье. В средней части реки пароходики ходят только на отдельных участках — от порога к порогу, пройти всю реку без пересадок невозможно. В северной части реки болот столько, что летом из-за них по берегам почти нет сообщения. Зимой они замерзают, тогда легче.

Вместо того чтобы добираться до реки и потом плыть по ней до Чекуева вслед за сплавными бревнами, я выбрала сухопутную дорогу. По этой дороге-тракту ежедневно от дверей Обозерской почтовой конторы отправляется большой грузовик с письмами, посылками и пассажирами, у которых случаются дела на Онеге. Таких пассажиров набирается обычно очень мало. Так было и теперь: на двух громадных кожаных баулах с почтой расселись всего пятеро: молоденькая почтальонша, колхозница Акулина Власьевна из Чекуева, пожилой колхозник Ефим Степанович Мячков с женой и я. Ровно в пять часов утра грузовик, пытя и грохоча по неровной дороге, вперевалку выкатывается с Обозерской. Дорога впереди длинная, на несколько часов.

Спутники мои с любопытством разглядывают мой рюкзак: по нему сразу видно, что я — «не тутошняя». Слово за словом, в дружеской беседе очень быстро доходим и до цели моей поездки на Онегу.

— Поди ж ты, — удивляется Ефим Степанович, — этак ты, чего доброго, и меня запишешь, а потом в книжке пропечатаешь?

— А вы, Ефим Степанович, тоже партизаном были?

— Как не быть! У нас чуть не вся деревня в отряде состояла. Ох, и герои же были у нас! Ты про братьев Зыковых не слыхала?

— Нет, не успела еще. Я ведь первый раз в ваших местах.

— Про них уже сейчас вроде как сказки складывают. Да и другие были, не они одни...

— А живы сейчас?

— Живо-то живы, да кто в Онеге, кто в Архангельске, кто где. Александр-то Зыков, меньшой брат, у нас в колхозе счетоводом работает. Хороший парень, веселый, разговорчивый. Уж он тебе порасскажет!

— А вы сами, Ефим Степанович, не расскажете разве?. Дорога-то ведь долгая!

Старик глядит на жену. Оба смеются.

— Рассказать-то отчего не рассказать! Рассказать-то, конечно дело, можно. Ну, ладно, бери свою бумагу, записывай...

Начинается подробный и очень интересный рассказ о том, как партизаны, вышедшие зимней ночью на разведку, попали в руки к белым и

как ловко сумели спастись,— самый яркий эпизод, сохранившийся в памяти Ефима Степановича.

— А то вот еще дело было,— начинает он снова и лезет в карман за табаком. Достав кисет и закурив, он пристраивается поудобнее в угол, крепко упирается ногами в чью-то посылку и продолжает:

— Был у меня в отряде товарищ, замечательный человек, по прозвищу «Костя-камад». Во время германской войны болтал он с немцами пленными и выучил у них слово «камад», да стал гордиться, что по-немецки знает. Ну его в шутку «камадом» и прозвали. Деревня ведь любит прозвища давать. Было у этого Кости получено в германскую войну девятнадцать ран. Кажется, места живого на человеке не было. А он что выкидывал!

Ефим Степанович затыкнулся самокруткой, помолчал и начал снова:

— Когда белые наступали, он хитростью пробрался в лес совсем один, в самый тыл им, да как гаркнет:

— Батальон, в тыл!

А там были англичане и шотландцы. От неожиданности они так растерялись, что бежать бросились. А Костя пробрался к их сторожевой башне; там наверху дозорный стоял, да его не заметил. А наш «камад» взял, да и поджег башню. Башня внизу загорается, а Костя задрал голову, да и кричит дозорному:

— Эй, дурак, слезай! Сгоришь!

Кинулись было за ним, а его — ищи-свищи! Уж и следов не осталось!... И еще с ним хороший случай был. Имелся у белых такой «герой», Махнов. Все время они с Костей друг за другом гонялись и друг друга ловили, да поймать не могли. И вот один раз полковник его полка послал Махнову за его разные «подвиги» посылку с провизией в награждение. А Костя очень любил в глубокий тыл к белым забираться. Вот едет он лесом и видит: везут посылку Махнову. Он накинулся:

— Что везешь! Кому?

А с посылкой всего один солдат был. Испугался он, сказал. Костя посылку отнял, солдата отпустил, а сам из глубокого тыла по телефону белым звонит:

— Это я звоню, Костя-камад. Скажите Махнову, что его посылку я получил и все съел. Очень вкусно было!

Опять у белых переполох.

...Идет час за часом, бежит километр за километром, текут занимательные рассказы. Наша машина бойко подпрыгивает на ухабах. Но вот почтальонша, дремавшая до сих пор в уголке, приподнимается, зеваает и, прикрыв рукой глаза от солнца, глядит вдаль.

— Чекуево видать,— говорит она. Я тоже смотрю в ту сторону. Уже блестит вдали голубая Онега, и из-за деревьев, действительно, появляются древние маковки чекуевской церкви. Вскоре наш грузовик останавливается на берегу реки у небольшой деревушки.

— Ну, вот мы и дома,— говорит старый колхозник, слезая на землю,—щы заходи, ждять будем. И с Санькой тебя познакомим.

Они уже дома, а мне надо тут переправляться через реку и на другом берегу еще шагать пешком километра полтора до Чекуева. Переправилась. Зашагала. Дошагала.

Чекуево — небольшая деревня на левом берегу Онеги. Сами по себе чекуевские избы ничем особым не отличаются: обычные избы русского Севера. Но очень хорош общий пейзаж, река и главное — знаменитая церковь с кокошниками и девятью главками-куполами.

Домов в Чекуеве немного, но есть и сельсовет, и клуб, и памятники жертвам интервенции, и пароходная пристань. Торговля представлена слабо. Ребятишки с корзинками продают морошку, которой полны окрестные болота. За морошкой женщины уходят в лес целыми группами дня на два и возвращаются, неся попарно на плечах — на длин-

ных жердях, просунутых в ручки кадок,— большие полные ушаты. Варить морошку не умеют: только квасят на всю зиму.

Я немедленно свела знакомство с немногими жившими тут бывшими партизанами и записала большой интересный рассказ о временах интервенции от местного председателя сельсовета С. И. Касьянова. С. И. Касьянов дал мне еще ряд адресов бывших участников отряда. Пойду к ним завтра.

А сегодня вечер завершился неожиданным, странным и интересным знакомством, организованным тем же С. И. Касьяновым, который очень старается помочь мне в работе. Вернее, знакомство состоялось в сельсовете, а продолжалось уже за его стенами.

Дело было на закате. Я шла вниз по реке, по самому откосу цветущего, нависшего над водой берега. В руках у меня были тетрадка и карандаш. Рядом со мной шагала невообразимо огромная фигура мужского пола в рубашке навыпуск и громадных сапожищах. Кулаки у фигуры были соответственно огромные, волосы рыжие и общий вид довольно угрожающий.

Но бояться было нечего. Человека этого звали Василий Александрович Гладышев, жил он в дер. Сергеевской, расположенной в двух километрах от Чекуева. Для глухой северной деревушки он был совершенным уникалом. Сейчас ему 53 года. С девяти лет он начал писать стихи, с 23 стал печататься в северных изданиях; подготовил к печати несколько томов своих сочинений, но успел напечатать только часть их (наступила война 1914 г.), самоучкой занимался французским языком и... сайскритом, очень интересовался языкознанием, переписывался с известным профессором-литературоведом С. А. Венгеровым; был красным партизаном, а в 1919 г. в качестве заложника был увезен за границу и только через год возвратился в родные края после долгого пути через Марсель, Италию и Константинополь. Лицо у него умное, говорит он литературным языком, жалуется на свое «культурное одиночество». Он колхозник и, кроме того, заведует местной библиотекой при клубе, которая работает по вечерам. Расспрашивать его о гражданской войне не имело смысла, так как у него были составлены подробнейшие записки о работе местного партизанского отряда, за которыми я и отправилась вечером вместе с ним к нему домой.

Прошли два километра, переехали через реку, поднялись на крыльцо.

Первое, что поразило меня, едва я вошла в избу, было множество набросков, зарисовок и картин, написанных маслом на небольших (50x50 см) кусках фанеры и развешенных по стенам. Все это были пейзажи Северного края.

— Василий Александрович, кто это рисовал?

Хозяин застенчиво улыбнулся.

— Да сам... Уж больно я нашу природу северную люблю. Много ездил, а такой красоты нигде не видал. Река-то наша! А лес! А море! И на восходе, и на закате... Так хотелось все это на память людям оставить. Ведь Родина! А у нас ее еще так мало знают. Беда только, что не учился я...

Он говорил тихо, с глубоким волнением. И это волнение невольно передавалось слушателю. Горько было думать, что такой человек родился слишком рано. В наши дни его молодость, его судьба сложились бы, конечно, совсем иначе.

Четыре тетради его записок о гражданской войне на Севере перешли в мои руки: автор разрешил мне переписать их.

Хотя из-за обилия «партизанского» материала почти совсем не успеваю заниматься местным традиционным фольклором (а его здесь тоже немало), все же сегодня удалось записать у колхозницы И. К. Зиминой прелестную свадебную величальную песню, необычную по бо-

гатству рассыпанных в ней красок:

Не от лесу, не от лесу,	Это кони вороные,
Не от лесу темного,	Эта бель-то белеется —
Не от листу зеленого.	На них сбруя серебряна,
Только чернь чернеется,	Эта синь-то синееется —
Только бель белеется,	Все князья да бояры,
Только синь синееется,	Эта крась-то красееется —
Только крась красееется:	Это свахонька княжая,
Эта чернь-то чернеется —	Княжая, переезжая...

Никто, кажется, еще не писал о том, как много красок в наших песнях (особенно в свадебных-величальных) и как интересно сопоставить их с раскраской предметов крестьянского быта — дуг, шкафиков, «коробеек», коромысел и т. п. Получаются очень стройные и гармоничные соответствия цветов. Свадебных песен тут много, и много старух, которые хорошо их знают, но у меня просто не хватает рук, чтобы записать весь песенный репертуар Чекуева. В целом он сходен с репертуаром других северных деревень: здесь поют и «Снежки белые», и «Отлетаюшку», из игровых известны «Царев сын», «Хрен», «Ковер», «Хожу я гуляю вдоль по хороводу» и ряд других. Есть сказки, заговоры, загадки. Но партизаны отнимают у меня все время.

Познакомили меня с чекуевским героем — Александром Арсеньевичем Зыковым. Это приветливый белокурый молодой человек с умными, серьезными глазами и хорошей доброй улыбкой. Он рассказал мне очень подробно историю своего пребывания на Мудьюге («Острове смерти») у интервентов.

Начал он с того, как стал большевиком: два старших его брата были в армии и в 1917 г. вернулись в деревню, развернули среди крестьян большую политическую работу и увлекли младшего брата перспективами новой жизни, свободной от произвола царской власти. Когда на Север явились интервенты и наряду с другими деревнями заняли Чекуево, Саня Зыков ушел в подполье и в свои 16 лет работал, как взрослый партиец. Но весной 1919 г. провокатор Попов предал всех партизан, и Саня вместе со стариком-отцом попал в «предвариловку».

— Около двух недель пробыли мы вместе с отцом в тюрьме, — рассказывал Александр Арсеньевич, — паек нам очень плохой давали, и отец, чтобы поддержать мою жизнь, каждый день отдавал мне половину своего.

По приговору дали мне 15 лет каторжных работ и с первой же партией повезли на остров Мудьюг. Не дали как следует и с отцом-то проститься. Видел я, как упал старик на койку и зарыдал. Он знал, что с Мудьюга живыми не возвращаются.

Пароход к острову пристать не мог: мелко было. Стали нас выводить из трюма и переводить на землю. Там нас встретил подполковник Судаков. Вряд ли в мире бывала гадина страшнее. Сразу нас предупредил:

— Вы приехали сюда не гостить, а отбывать наказание. Знайте, что я тут царь и бог. Что захочу, то с вами и сделаю.

А ругался как!.. Вспомнить страшно.

Провели нас в дом заключения. Мы увидели низкие здания, бывшие склады, а кругом очень высокие, аршина в два с половиной проволочные заграждения. Поместили нас, около ста человек, в бараке. В тот день нам никакой еды не дали.

Утром чаю в бараке не полагалось. Принесли ушат с кипятком. Кое-как напились из старых консервных банок. Хлеба ни у кого не было.

— На работу!

Меня направили в первый день доканчивать проволочную изгородь. Рукавиц у меня не было. К вечеру руки были в крови, кожа — лохмотьями...

Прошло почти две недели. Часовые, наблюдавшие за нами, были все из кулацких сынков, и все такие злющие! Хлеба нам давали 92 золотника на два дня. Я не мог удержаться, съедал все сразу, потом сидел голодный. Вместо супа давали жидкую пустую бурду.

Потом стали гонять на пристань. Работы не было, ее начали придумывать. Одна партия должна была копать ямы, а другая — тут же засыпать эти ямы песком... Маленькими столовыми ножами заставляли срезать тростник, который нужно было косить косой... Издевались, как могли!

Примерно в это время случился побег двух заключенных. Они бросились в море, но их пристрелили в воде. Трупы бежавших были выставлены всем на показ у черной башни.

Жить становилось невозможно. Но мы как-то узнали, что дела белых на фронте плохи и что красные непременно отвоюют Север. Тогда мы решили бежать.

Мы знали, в какое время крестьяне из деревни приезжали на остров за сеном. Решили подкараулить их и использовать этот момент. И вот однажды после обеда, когда нас погнали на работу, мы кинулись на конвой, одолели его и побежали к другим баракам:

— Товарищи, выходите! Свобода!

В тот миг у нас откуда-то сила громадная появилась, ломами железу рвали, взламывали все запоры... Я кричу: «Вперед, ребята!». И люди — за мной. Мы выбежали за ограду. Начальство — стрелять в нас, да мимо, никого не убили. А мы и тут конвоиров одолели, как у барака. Кричу:

— К морю, ребята!

Бежим со всех ног. Прибежали мы к морю — крестьяне от острова уже отехали, только один карбас с сеном у берега стоит.

— Долой сено из карбаса!

Выкинули сено, вскочили в карбас, подняли парус, гребем... Добрались до материка, забрали, что в лодке было — хлеба немного, котелок, топор, и двинулись в лес.

Забрались в чащу. Огонь развели. А у самих ничего, никакого оружия, одна винтовка на шесть человек, да и та без патронов. Однако переночевали под елками благополучно.

И вот пошли мы лесом. Надо было как-то к своим, к красным добраться. Все мы без сил, без хлеба. В лесу клюкву ели, ягоды шиповника, сосновую кору... Вырубили колья, отточили их, так с кольями и идем по лесу. Направлялись к Пинеге. Компаса, конечно, не было, дорогу замечали по елкам, по муравейникам...

Кое-как на восемнадцатые сутки добрались мы до Пинеги, где стояли красные. И тут, наконец, кончились наши незабываемые мучения...

Кроме «Острова Мудьюг» я записала от А. А. Зыкова и его товарищей рассказы «Про белых», «Следы в лесу», «Как мы к англичанам попали» и многие другие. Вписывать их все сюда, конечно, невозможно. А вообще материала я тут получила массу. На целую экспедицию работы хватило бы!

20 июля. Город Онега

До 19 июля работала в Чекуеве. Вчера утром пришел пароход, забрал всех, желавших плыть вниз по реке, и потащился к городу Онеге.

Плыли хорошо. Солнце сияло, и можно было весь путь — шесть часов — сидеть на палубе. Река Онега около Чекуева неширока, берега низкие, зеленые; вдоль берегов тянется лес. Километров через 25 река

делается значительно шире и становится на вид уже совсем настоящей, разгульной и пустынной северной лесной рекой.

Деревеньки на Онеге небольшие и очень привлекательные. В Усть-Коже я увидела сквозь деревья маленькую шатровую церковку, уютно прикрытую зеленью; в одной из следующих деревень — небольшую старинную часовню. Такие чудесные редкостные памятники! Сберегут ли их?...

Около шести часов вечера нас принесло к порогу, т. е. к тому месту, откуда начинаются самые красивые высокие берега и... где все пароходы заканчивают свое плавание, так как дальше, насколько можно понять из названия этой местности, поперек реки идут пороги, непреодолимые для пароходов.

Здесь стоит старая деревушка Порог с расписными подзорами у изб и высокими северными крылечками. До города Онеги отсюда 25 километров и, как мне объяснили на почте, обычно их приходится преодолевать пешком. Но магические слова о командировке из Архангельска немедленно подействовали: в мое распоряжение была предоставлена телега с лошадей и возницей.

Около часу ночи мы прибыли в безмолвный прохладный город. Онега уже спала. Все краски заката давно потухли, и из-за лесов плыла пепельно-голубая беломорская летняя ночь — тихая, чуткая, с прозрачным воздухом, необозримой морской далью и свежестью, дышавшей в лицо. Мы быстро отыскивали мой обычный приют — пустую школу, где я и бросила пока что якорь. Сегодня с утра отправилась знакомиться с городом и искать нужных мне людей.

Есть сведения, что устье реки Онеги было заселено еще в XV в. В конце XVI в. тут уже определенно было поселение с церковью. В 1760 г. оно было переименовано в уездный город Архангельской губернии и вместо поселения «Устьенского» (т. е. стоявшего в устье реки) или «Устьянского» появился город Онега. В конце XIX в. в Онежском уезде было около 40 000 жителей, главным образом крестьян, значительно меньше — мещан и духовенства; было даже 85 чел. «дворянского звания». Жители промышляли рыбой, морским зверем, ходили «на Мурман», уходили в извоз и на заработки в Петербург. Местные купцы торговали рыбой с Норвегией и сами строили себе суда. В краю насчитывается до 500 озер и много мелких речушек, вытекающих из лесных болот. В лесу основные породы деревьев — ель, сосна, береза.

Все это известно из литературы. По моим личным впечатлениям, Онега сегодня мало похожа на город. Скорее это большая деревня. Дома почти все бревенчатые, рубленые то в лапу, то в угол; очень немногие обшиты досками. Рамы окон и наличники выкрашены белой краской, крыши или тесовые, или реже железные, красные. За окнами видны кружевные занавески, горы подушек, цветы в горшках и старых консервных банках и ряд других деталей городского быта. Дома только на некоторых улицах стоят в два ряда: чаще они размещаются по одной стороне, а по другой тянутся пустыри и дырявые заборы. Улицы далеко не каждую и далеко не в любом направлении можно перейти: они заросли густой травой, под которой хлюпает первобытная тундра. На главной улице есть маленькие каменные домики и довольно много лавок; и то и другое — следы бывшей купеческой торговли. Ближе к реке — новостройки из свежего дерева с широкими окнами, повернутыми к скупому северному солнцу: Районный Исполком (РИК), Леспромхоз, клуб.

Лет 80 тому назад, судя по описаниям С. В. Максимова, женщины и девушки одевались тут «пестро и пышно»: штофные сарафаны из алой, голубой или зеленой материи, на головах — шелковые платки у девушек и низенькие шапочки с золотым «начальником» или широким позументом — у женщин. Богатые девушки носили по праздникам на

головах «повязки» из широкого золотого позумента с жемчугами, в ко-сах ниже пояса — алую ленту.

Теперь, конечно, давным-давно нет ничего подобного. Люди все одеты по-городскому. Только старухи еще донашивают темные сара-фаны.

В РИКе меня встретили очень приветливо. Секретарь остался, по-видимому, весьма доволен вниманием к городу Онеге и сразу же дал мне целый ряд адресов бывших партизан. Кажется, и тут работы будет очень много.

23 июля. Город Онега

К вечеру я кончаю свои поиски, сижу в школе и просматриваю до-бытые материалы. В целом создается любопытная картина.

После 1917 г. на Онеге далеко не сразу разобрались, что к чему. Неразбериха царила во многих деревнях. В деревне Подпорожье, на-пример, была своя республика с собственным «Совнаркомом». В пар-тийной организации деревни Посад имелась печать — «Посадская ком-мунистическая партия». В партию здесь записывали всех желающих; записали как-то даже дьякона. Однажды протокол с именами вновь принятых в партию каким-то образом был оставлен на столе. Почти сразу после этого в деревню пришли «белые» и обнаружили этот до-кумент. Можно себе представить, каковы были последствия.

Но зато, когда пришлось воевать с интервентами, онежане быстро сориентировались и действовали геройски. В начале августа 1919 г. бои шли в самом городе: «красные» занимали центр его, а «белые» на-ходились у пристани, на боковых улицах и у реки. Были героини-пулемет-чики, в одиночку ухитрившиеся в течение целого дня не пропускать «белых» в центр города; были и смелые разведчики, и связисты, и храб-рые мальчуганы-подростки, которые совершали подвиги, удивительные по смелости и находчивости. Говорят, что здесь в боях за город погиб знаменитый «Костя-камрад». Онега много раз переходила из рук в руки, и только в феврале 1920 г. в ней окончательно укрепились «красные».

Все это очень живо и красочно отразилось в переданных мне парти-занских рассказах: «Вокруг города Онеги», «Борьба за город», «Железный отряд», «Борьба с кулачеством», «Костя-камрад», «Гибель большевика» и др.

31 июля. Архангельск

Итак—последний этап на пути домой. 26 июля я уехала из Онеги: кое-как нашла во дворе «Дома колхозника» пустую телегу с парой ло-шадей и возницей, который собирался ехать в нужном мне направлении. В два часа дня мы выехали из Онеги и то шагом, то вприпрыжку потя-нулись вдоль речного берега. 28 июля днем путь мой был благополучно закончен в Архангельской гостинице. Сдала начальству переписанные материалы, получила билет — и сегодня отбываю.

Подлинники всех записей, конечно, едут со мной. Несомненно, ког-да-нибудь они послужат хорошим дополнительным материалом для историков гражданской войны на Севере.